

Предварительный комментарий

Несмотря на то, что «Расслоение» имеет аналогии с классическим драматическим действием, предполагающим завязку, кульминацию и развязку, эта сценическая постановка в большей степени основана не на логически-сюжетных, а на эмоционально-ассоциативных связях. Большую роль в ней играет не фабула (присутствующая, но как бы «растворённая» в действии), а категории и метафоры, выступающие в качестве смыслового стержня.

Расколотые, не связанные друг с другом на первый взгляд, обрывочные сегменты театрального языка сплетаются в странный конгломерат. Эта расслоённая форма иллюстрирует идею раскалывающегося абсолюта, разбитого зеркала, в котором герой на мгновение узрел отражение подлинного Мира. И его единственной потребностью становится воссоздать, реконструировать этот абсолют. Однако по мере развития действия герой осознаёт, что это едва ли возможно, и одновременно начинает ощущать собственный распад.

Одной из ключевых аллегорий «Расслоения» выступает *ребёнок* – неродившийся младенец, находящийся внутри плаценты (отсюда – болезненно навязчивая символика детства). Вопреки психоаналитической гипотезе о состоянии внутриутробного блаженства – «золотом веке» бессознательного, этот неродившийся ребёнок постоянно одержим чувством тревоги и предродовых волнений. Вернее сказать, в «Расслоении» миф о блаженстве утробы накладывается на ощущение экзистенциального ужаса и смешивается с ним. Кстати, своеобразным коррелятом этому выступает «политический» пласт спектакля – перманентные метаморфозы либерализма и фашизма, которые оказываются успешно взаимодействующими элементами единого антиперсоналистского универсума, именуемого *спектаклем*.

В свою очередь *плацента* также является важной метафорой, иллюстрирующей само ожидание рождения, которое не происходит (одним из символов плаценты выступает яйцо). Это состояние *прелюдии* оказывается близким не только ребёнку, но и *художнику*, и всё это – ипостаси собирательного образа – *пассажира*. Само слово *пассажир* за всё время постановки лишь единожды произносится со сцены, но, как и *прелюдия* (кстати, вовсе не упоминаемая в либретто) незримо присутствует в действии. Такой же имплицитной категорией выступает *игра* – бунт против спектакля. Именно игра во многом предопределяет и анархически-скоморошескую форму подачи замысла.

В образе художника тема прелюдии и внутриплацентарного существования переносится в плоскость искусства. Рождение для художника оказывается напрямую связано с обретением *подлинности* – *присутствием*, и он ищет его в игре. Художник стареет, но по-прежнему не ощущает присутствия, по-прежнему не покидает плаценты.

В пространстве *спектакля* искусство превращается в товар: ещё не успев родиться, оно выставляется на витрину, а самому художнику уготована роль *манекена* на этой стеклянной сцене. И, так и не дождавшись рождения, художник постепенно ощущает процесс превращения в мёртвую куклу, напоминающий ему казнь.

Восприятие выхода на сцену как *казни* также является одной из «сквозных» метафор этой постановки. Как в театре теней, главным действующим лицом должен выступать не актёр, а его размытый силуэт (самого актёра для зрителя не существует), так и художник должен совершить метафизическое самоубийство, принести себя в жертву, чтобы реализовать свой замысел.

Слой Первый – Пепел. Младенец обретает иллюзию рождения, ощущение Начала. Такие символы, как заводской гудок или строки из первой суры Корана (в совокупности с присутствующими в переизбытке предуведомлениями, всевозможными *intro* и прологами, нарочито затянутыми, занимающими почти половину этого слоя) олицетворяют первое знакомство с состоянием прелюдии.

Слой Второй – Спектакль. Погружение в мир *других (тех)*, существование в оболочке, жизнь по бессмысленным правилам, подменяющим реальность. В музыкальном отношении второй слой выглядит наиболее «пёстрым» и разноплановым именно потому, что музыка отражает этот внутренний распад. Символы игры накладываются на символы спектакля, в сознании художника они всё больше начинают путаться и подменять друг друга. Так, мегафон, который прежде служил средством донести крик, смешивается с репрессивными инструментами спектакля; печатная машинка запечатлевает уже не мысли художника, а сценарий его жизни, написанный кем-то другим; плацента заменяется витриной; а состояние прелюдии, на которое обречен пассажир, смешивается с чувствами приговоренного к казни.

Слой Третий – Манекен. Превращение *художника* в мёртвую куклу. Тема казни выходит на первый план, несколько оттесняя остальные сюжеты. В музыкальном отношении третий слой выглядит монолитным, гротескно монотонным на фоне двух предшествующих. Вместе с тем, смерть манекена в эпилоге едва ли должна восприниматься как логический итог исканий художника. Во многом эту однозначность восприятия нарушает диалог о гусенице.

Символом последнего этапа психологической трансформации пассажира закономерно выступает уже не ребёнок, а старик. Этот старец, копающийся в собственном сознании, понимает, что подлинная трагедия находится внутри его разума: он не способен остановиться в своём поиске присутствия и никогда не поверит в собственное рождение. Здесь метафора о прелюдии поднимается на новый уровень: любой холст, текст, пьеса навсегда останутся подчинены закону неполноты, навсегда останутся незавершёнными.

Анатолий Рясков,
февраль 2006 г.

Расслоение

(либретто)

предупреждение

Нарисовав крик, я взял холст и вышел на витрину. Это оказалось единственным шансом донести образ до незнакомых прохожих. Покрытая пылью витрина была просторна и пуста, человек с холстом в руках должен был привлечь внимание. Но шел дождь, и по стеклу стекали разветвленные струи, сквозь которые нелегко было что-либо разглядеть. Кроме того, большинство людей вообще не смотрели в мою сторону, лишь изредка некоторые из них останавливались, чтобы взглянуть на свое отражение в стекле или поправить шляпу, и тогда они могли мельком заметить меня и холст, который я держал в руках. Как правило, на полотно обращали внимание единицы – не более одного человека в неделю. На несколько секунд задержав взгляд на картине, они равнодушно отводили глаза в другую сторону. А дождь между тем не прекращался, даже наоборот: казалось, с каждым днем водопад капель наслаивал всё новые блеклые пласты на стекло. Серые кольца переливались друг в друга, заплетая самые причудливые узоры. Улица становилась почти не похожа на себя, изображение размывалось так, словно я смотрел на мир глазами засыпающего пьяницы. Не сомневаюсь, что снаружи видимость была ничуть не лучше. Скорее всего, замечен был в лучшем случае размытый силуэт, искаженное очертание, не более... Мало кто мог разглядеть, что именно я держу в руках, и уж точно практически никто не разобрал бы, что изображено на картине. Тем более при такой спешке: фигуры прохожих буквально мелькали за мокрым стеклом. А как-то раз утром водяные разводы превратились в изморозь, в лед – на улице сильно похолодало. Стекло полностью потеряло свой смысл, теперь оно ничем не отличалось от стены, разве что самую малость: какие-то мелькания теней всё же оставались различимы. Но могу поклясться, что с улицы невозможно было разглядеть ничего. Бело-голубой орнамент плотной завесой скрывал мой крик от прохожих. Картина оказалась недосягаема для взглядов. Я провел на витрине около месяца в надежде на потепление, но холод

лишь уплотнял ледяную корку на стекле. Только однажды произошло чудо, я даже не поверил своим глазам: в углу снежной занавески образовался просвет, за которым показалась детская ладошка. В протертое отверстие с интересом заглядывала маленькая девочка. Теплыми руками она растапливала сантиметр за сантиметром. Я попытался улыбнуться ей, но у меня почему-то ничего не вышло. Губы лишь слегка подернулись нервной судорогой. Однако я был невероятно рад, тем более что больше месяца не видел ни одного живого существа. Девочка заметила холст и стала внимательно разглядывать изображение, она оказалась первым человеком, кто понял, зачем я стоял на витрине всё это время. И в этот самый момент кто-то – вероятно, ее отец – схватил девочку за руку и повел на другую сторону улицы. Она несколько раз обернулась и скрылась из виду. Холст выпал из моих замерзших рук. Картина упала на пыльный пол. Я попытался поднять ее, но вдруг осознал, что не могу пошевелить даже пальцем руки. Я абсолютно разучился двигаться. За эти месяцы я успел превратиться в манекена*.

* На протяжении всего текста слово *манекен* склоняется как одушевленное существительное.

гlossарий

Витрина – сценическое пространство, уготованное *спектаклем* для *художника*.

Война – социальное состояние, спровоцированное *спектаклем*.

Выплюнутость – ощущение, которое постоянно испытывает *пассажир*.

Декорации – мертвые предметы в пространстве *витрины*.

Другие (переосмысленный термин Ж. П. Сартра) – *прохожие* и *манекены*.

Игра (переосмысленный термин Ф. Шиллера) – противостояние *сценарию*, бунт против законов *спектакля*, способ достичь *присутствия*.

Капли – человеческие жизни.

Крик (переосмысленный термин А. Арто) – поиск *игры*.

Манекен – актер, запертый в рамках стеклянного пространства *витрины*.

Оболочка – смугло-серая масса, состоящая из пепла и леденеющего снега; защитный панцирь, позволяющий выживать в мире *спектакля*.

Пассажир (переосмысленный термин Ф. Кафки) – существо, пребывающее в состоянии *прелюдии*. Он не является ни *манекеном*, ни *прохожим*.

Плацента – искусственная форма, в которую заключен *пассажир*.

Подлинность – всё, что находится по ту сторону *спектакля*.

Прелюдия – душевное состояние *пассажира*, пытающегося постичь *присутствие*.

Присутствие (переосмысленный термин М. Хайдеггера) – обретение *подлинности*, освобождение от власти *сценария*, оно возможно только через уничтожение *спектакля*.

Прохожий – безразличный зритель, коррелят *манекена* в системе координат, созданной *спектаклем*.

Скорлупа и тесто – материал для изготовления *плаценты*.

Слезы (переосмысленный термин С. Беккета) – спутницы *пассажира*. Внешние проявления *прелюдии*.

Спектакль (термин, заимствованный у Г. Дебора) – мир ложного, повседневного, мертвого. *Спектакль* включает в себя и *витрину*, и *улицу*.

Сценарий – ход событий, предопределенный *спектаклем*.

Улица – зрительный зал, место обитания *прохожих*. Она находится по ту сторону *витрины*.

Художник (термин, заимствованный у Дж. Джойса) – основная ипостась *пассажира*.

пролог

*Гул ветра. Крики гиббонов. Фигуры в черных робах.
Тусклое пламя свечи. Муэдзин нараспев читает фатиху.*

Низкий голос: Когда он начнет, он начнет когда, когда начнет он, когда он начнет говорить, я знаю, я точно знаю, когда он начнет, **ОНИ БРОСЯТ**, когда он начнет, они всё бросят, когда он начнет, и они станут, станут слушать.

Декламирующий голос: Когда он начнет ночь, он точно начннет ночью, но чью ночью начннет? Он начннет ноччччччччч...

Дикий крик во второй октаве.

Голос из мегафона (*дергающийся и напоминающий скороговорку*): Когда он начнет бррллла, когда он начнет, когда он начнет говорить, я знаю, они бросят, когда он начнет, они станут слушать, когда он начнет, я точно знаю, я, когда он начнет, они чувствовать себя будут, в общем, когда он начнет, когда он ночь, когда он, он, он, но айгд миг-начнерт миндосройчен доргес ноудувайдес невецпруш зиа! ношурц ноа минносройч гагатес ыншнот майкнойтс синнуадеган НО!.. НО! а я, они, когда он начнет, они чувствовать себя будут, когда он начнет, они чувствовать себя будут, ноунувайдес невецпруш, они, они себя чувствовать будут, чувствовать будут себя... В ОБЩЕМ, ИМ ВСЕМ СТАНЕТ ПЛОХО.

Слой первый:

Пепел

Стук сердца.

Новый приказ
желтым плевком
об
во
ла
ки
ва
ет

Тонкую ветвь
изнемоглого, волглого
РАЗУМА.
разума.

Из оконного проема высовываются руки, держащие ткань голубого цвета. На фоне неба она развевается на ветру и затем падает прямо на объектив кинокамеры.

*Мелькающие изображения
домов, мостов, тоннелей,
коридоров, проходных
дворов, проводов, перилл,
полумесяцев, зонтов, чело-
веческих фигур, глаз.*

Разорванные капли
распластались по стеклу,
они стучат в окно,
считают, волнуются, ждут,
но они не умеют считать
больше, чем до одного.
Они не умеют считать
больше, чем до одного...

*Кадры с тканью повторяются, но уже в черно-белых тонах.
Оперный вокал.*

Детский голос: Раз, раз, разбуди меня,
Раз, раз, разбуди меня,
Раз, раз, разбуди меня,
Раз, раз, разбуди меня,

Разбуди меня,
Разбуди меня.

когда Я УМРУ.

Женский голос: А 343 – шестой, заводской гудок.

Заводской гудок. Голый ребенок на камнях, свернувшийся в позе эмбриона. Безногого человека везут в инвалидной коляске по узкому проходу.

Шепот (многократно повторяющийся):

Медленно мимо бурых стен,
Источая прогорклый страх,
Ползти вдоль по коридору к Тем.
Кровавой пеной, лавой тлена
пестовать свой прах.

Декламирующий голос (поверх шепота): По осклизлым стенам затхлого заброшенного колодца слизняками сползает вязкая желтая слюна. Слюна луны. Сердце кровавится в груди ослабленной души. Раскаты крови в небесах плоти. Сгустки любви.

Пададь.

Шепот прекращается. Работает станок.

Не спеши прощаться со мной.
Не спеши прощаться со мной.

Раз, раз, чмо, месячные...

Со слоненком подружиться...

чмо, залупа, раз.. (слова монотонно произносятся в мегафон)

Со слоненком подружиться...

Свет в зале! Выключите свет! Голос в мониторы!
Эй, звукорежиссер! Просыпайся! Трезвей!

Шепот возобновляется.

Медленно мимо бурых стен,
Источая прогорклый страх,
Ползти вдоль по коридору к Тем.
Кровавой пеной, лавой тлена
пестовать свой

Пра..

AA
AA
AA
AA
AA

Взрывы. Руки вытаскивают нерасколотое яйцо из куска смятого теста, напоминающего человеческий мозг. Треск. Вспышки стробоскопа. Кого-то тошнит.

Мужской голос (размеренный, с паузами, каждая фраза перемежается танцами под вспышками стробоскопа): Тебя будут казнить в Великий День. Весь город придет посмотреть. У меня уже закончились контрамарки на твою казнь. Многие будут висеть на изгороди, лишь бы увидеть хоть что-нибудь. Но почему ты так дрожишь, тебе холодно?

Женский голос: Ночью...

Идиот-мужчина: Что?

Женский голос: Ночью ко мне приходил ангел. Прекрасная, как богиня, девушка с серебряными крыльями. Она спустилась с неба. Я видела, как она вошла через окно. Она улыбалась мне (*смех идиота*). Я лежала на сырой земле, рядом с ямой. На ужасно холодной сырой земле. Она достала лопату и ударила заступом мне в лицо (*акцент по тарелке*). Богиня стала сталкивать меня в могилу.

*Дискотека. Танцующие прыгают и машут шляпами.
Мелькающий свет красной лампы.*

Идиот-мужчина: А потом?

Идиот-женщина: Потом?

Идиот-мужчина: Да-да, что было потом?

Идиот-женщина: Потом я проснулась и прошлась по комнате. Мне страшно.

Идиот-мужчина: Это был только сон.

Идиот-женщина: Да, но ты же видишь, как рассечен мой лоб, мне больно... А почему там, снаружи, так темно?

Идиот-мужчина: Ну когда же ты поймешь, что мы ослепили тебя? Там никогда не будет света.

*Количество танцующих растет.
Танцы становятся еще более энергичными.*

Метроном. Мелодичная музыка. Сквозь лист бумаги проступают контуры плаценты.

Декламирующий голос Адольфа Гитлера: Es koennte nicht anders sein, als wir uns verbunden! Und wenn die grossen kolonnen unserer bewegung heute siegen... Dann weiss ich ihr schliesst euch an den kolonnen an! Vor uns – nicht Deutschland, in uns marschier Deutschland! Und hinter uns kommt Deutschland!*

Одобрительные возгласы. Скандирующие вопли:

«USA! USA! USA!»

Крик «Motherfucker let's go!» Непродолжительные танцы.

Кадры из фильмов Триера и Тарковского.

За забором – заря. За изгородью города. Новая заря проливается на степи. Золотым дождем, золотыми слезами орошает лоно земли. Земля зачала ее..

Скрежет иглы по пластинке. Стук сердца. Дыхание.

Детский голос: Ты хотела бы видеть, как я буду умирать? Нет? Но у тебя нет выбора. Я умру внутри тебя.

Вспышки стробоскопа.

В темноте рассыпаются искорки от закуренной папиросы. Мерцающий гнев. Запах табачного дыма. Облачного дыма.

Пространство соткано из тишины.

Я чувствую приближение.

Пространство соткано из тишины.

Я чувствую приближение.

Пространство соткано из тишины.

Я чувствую приближение.

* Мы должны объединиться – иначе и быть не может! И если большие колонны нашего движения сегодня побеждают, то я знаю: вы вливаетесь в эти колонны! Перед нами – не Германия. В нас марширует Германия! И за нами идет Германия! (нем.)

Солнца, солнца.

Бомжи танцуют танго.

Солнца, солнца.

*В воздух взмывают разноцветные воздушные шары.
Взрываются хлопушки с серпантином и конфетти.*

Дефлорация неба.
Я прожег окурком полинявшую простыню.
Дефлорация неба.
Я прожег окурком полинявшую простыню.

*Эстрадный хор. Продолжительные танцы
под ненавязчивую развлекательную музыку.*

Дефлорация неба. Я прожег окурком...

Африканские барабаны. Вольнка. Хомус.

Навести ненависть.
Извести невесту.
Довести
до белого каления,
до ледяного огня.
Замеси мести тесто.
Навестить невесту не успел.
Вывести из себя.
Слепой спел.
Поспел к слепоте.

Это узаконенный приказ, ты обречен!
Ну зачем ты вцепляешься пальцами в небо?
Это так глупо! Так нелепо...
Ты смешон.

На кого в этот раз обрушится гневный млат?

*Разбрызганная красная краска поверх плаценты растекается
по белому полотнищу, образуя странный иероглиф. Маршируют
солдаты. Два ребенка-близнеца в целлофановом пакете. Копоша-
ющиеся черви. Кадры из документальных хроник, старых совет-
ских кинолент, картин Бунюэля и Антониони.*

Зарываться в норы, считая недели,
дрожащей молитвой лелеять надежду,
смотреть в зеркала – в лики прокаженных:
на принявших яд свободы..
Великий грех.
Великий грех.

God is a mystical mistake.*

Чахотка промокших улиц
плещет мне в лицо улыбку.
На эшафот выходят
священник и палач,
Первый – с топором.
Первый – с топором..

На извлеченном из мозга яйце копошится насекомое.

Птаха на плахе не ведает страха.
Красный воротник, черная рубаха,
Ветром разорвано горло ворона,
Горем зрочки пропитаны поровну.

Весельный клич
почему-то так

на
по
ми
на
ет
мне
висельный.

*Сладострастное пение слащавых юнцов.
Раскачивающееся на ветру зеркало. Обрушивающееся дома.*

Голос старика: Нет, что ни говори, а приятно все-таки после работы сразу прийти домой. Помылся, побрился, прилег...

Растаманское пение

* Бог – это мистическая ошибка (англ.).

Фольклорные напевы.

**Соберусь поутру в дорогу свою,
Досады осадок во мгле растворю.
Осторожно разбуджу зарю,
Положу косу ее в ладонь свою.**

**Зачерпну в ладонь искры багряных зорь,
Брошу сей огонь в ночи черной смоль.
Зачерпну в ладонь пламя узора зорь.
Брошу сей огонь в ночи черной смоль.**

*Повторяются звучавшие ранее дискотечные ритмы
и пение юнцов.*

*Молодая женщина, оргазменно улыбаясь,
возлегает на старинном диване.*

*Гримасничающая маска из теста. Спица прокалывает яйцо.
Улыбка. Ребенок в целлофановом пакете. Тихий плач. Истери-
ческие крики. Продолжительные танцы. Ножницы разрезают
забрызганную краской бумагу с изображением плаценты. Нераз-
борчивый, наводящий ужас шепот.*

**В ДАННУЮ СЕКУНДУ МЕНЯ БОЛЬШЕ ВСЕГО ИНТЕРЕСУЕТ
ТЕАТР.**

Слой второй:

Спектакль

Актеры, участвующие в действии, рассказываются на маленькие детские стульчики и обращают взоры на широкий экран.

Шелест страниц.

Учительница математики (*читает книгу*): Спектакль возвращает искусственные цветы.

Учитель рисования: Но ведь можно растить живые...

Директриса (*съедает учителя рисования*): Нет, живые нам не нужны. Уж поверьте мне, директору.

Учительница математики (*продолжает читать*): Школа – это одно из проявлений спектакля. Спектакль охватывает всё наше жизненное пространство.

Стук каблучков по паркету.

Учительница математики: Пункт первый: классная комната. Пункт второй: куклы. А где куклы?

Ученица: Я – лучшая ученица в классе. Я всегда прихожу раньше всех. Ой, кто это идет... может быть, это учительница?

Первый ученик: Да нет, это всего лишь я.

Второй ученик: Что это? Где я? Неужели снова в этой комнате?

Первый ученик: Да, да, ты снова здесь! Я тебя поздравляю! Ты выздоровел! Ты снова с нами! И сегодня у меня есть кое-что для тебя! Лови (*кидает тряпку*)!

Второй ученик: Э, что это за тряпка (*кидает в ответ*)?!

Первый ученик: Принимаю подачу.

Ученица: Эта тряпка – твой мозг, болван.

Учительница математики (*говорит в мегафон*): Садитесь на свои места. Я начинаю урок математики. Так, кто сегодня присутствует? Вернее отсутствует, аксиоматика спектакля исключает категорию присутствия. Вы помните об этом? Кто может объяснить, что такое присутствие?

Ученица: Пережиток прошлого, рудимент.

Учительница математики: Я могу согласиться с тем, что присутствие – это пережиток прошлого, но это не рудимент. Кто знает, что это?

Первый ученик: По-моему... ну, насколько я помню, это называется артефакт. Кажется, так.

Учительница математики: Да, на этот раз правильно. Присутствие – это именно АРТЕФАКТ!

Второй ученик: А по-моему, присутствие – это обретение подлинности (*из его рук вылетает бабочка-траурница*).

Учительница математики (*бабочка присаживается на ее голову*): Подлинности? Фу, какая гадость (*прогоняет бабочку*)!

*Неожиданно в классной комнате появляется новый персонаж.
Это несуразный великан.*

Второй ученик: Привет, великан! А мне говорили, что я выздоровел, и ты больше не вернешься...

Великан: Да, они не хотят, чтобы я возвращался. Скажу одно: выброси учебник, а то он убьет тебя.

Учительница математики: Ха-ха, попался, наконец! Спектакль превращает великанов в наладонников (*великан становится малюсеньким человечком, стоящим на ладони учительницы математики*)!

Учительница протирает доску

Итак, продолжим. Возьмите учебники. Каждой конкретной констелляции спектакля требуются амбивалентные декорации. Спектакль вращивает искусственные цветы, скрупулезно модифицирует маленьких механических кукол во взрослых манекенов. А те, кто болезненно переживает трансформацию, – травмированы и нуждаются в лечении. Таковы незыблемые законы спектакля.

Неожиданно открывается дверь в классную комнату.

Учитель рисования: Я очень извиняюсь...

Учительница математики: Стоп! Но это мой урок!

Учитель рисования: О, боже... Я только хотел показать детям картины. Просто я подумал – не слишком ли много математики? Ведь есть и другие предметы. Вот рисование, например.

Учитель растворяется в воздухе. Рука директрисы размечает обрывки букв, на которые распались произнесенные им слова.

Директриса (*возмущенно*): Хм, рисование. Давно пора отменить этот бесполезный предмет.

Учительница математики: Да-да, именно так.

Директриса (*поправляя очки*): Так, а что собственно происходит? А где все (*неожиданно падает*)?

Группа учеников (*склонились над телом директрисы*): Куклы уже готовы занять место манекенов! Куклы уже готовы занять место манекенов! Добро пожаловать в спектакль!

Детский смех. Продолжительная веселая музыка. Танцы.

Еще одна луна
Проливает на пол свой
Свет, так и не успев
Донести
На меня.
Прожевывая поощрения,
Внимай увещаниям
Очередного чревоугодника духа.
Безразличная неуверенность
В собственном существовании,
В потребности голоса,
Наличии дыхания.
Мы одной пули яблоки,
Однократно прострелены.
Порвалась колея руки,
Зачервивела венами.
Еще одна луна
Проливает на пол свой
Свет, так и не успев
Донести
На меня.
Зачервивела.

Пауза.

– Присаживайтесь, пожалуйста... Присаживайтесь, пожалуйста!

– Благодарю вас.

Стук печатной машинки. Смех.

– Сарись! Сарись! Сарись! Сарись, сарись, сарись... Сарисьь...

Скрип стула. На сковороде жарится яичница. Кто-то гремит деревянными счетами. Скрип ножниц.

Мне ни за что платить не надо, за меня всё уже заплатили. Всё уплочено. И я не переживаю ни о чем. Ведь как удобно, когда ни за что не надо платить! По существу, это очень удобно... Ведь когда ни за что платить не надо, то во мне... Во мне нет волнения... Волнения нет... Оно *фьють* – и исчезло! А я... Я не жалею ни о чем... Ведь как удобно это, когда ни за что не надо платить! Ведь это, это же нет... Ни волнений нет, никаких ни переживаний, ничего этого нет, всё это исчезает... И ведь главное – это же... **ЛЯЖКИ!** Главное – ведь нужны какие-то нам, нужны элементарные какие-то... Нужны удобства... Какие-то удобства... Как... Чтобы всем, каждому было удобно... **Она мне, она мне говорит: ляжки-ляжки!** Вот даже – вот не всем, а, пожалуй, каждому вот – чтоб по отдельности было удобно... И это... **Она мне, она мне говорит: ляжки. Ляжки, она мне говорит.** Тогда не будет ни волнений, ни переживаний, никаких душевных передраг, – вся эта заскорузлость она исчезнет, она пропадет... **Сука такая. Сволочь.** И вы зря, кстати, вы зря усмехаетесь, зря вы мне не верите... **Ляжки, она мне говорит.** Ведь это всё так и есть... **Я вообще не понимаю: ну, какие могут быть у нее ляжки? Она мне, она мне говорит: ляжки-ляжки! ЛЯЖКИ!** Тише, тише, господа, вы же в театре, ей-богу! (*Грохот приближающегося поезда*) **Чемодан, огромный кожаный чемодан (голос из мегафона). Триста ляжек в чемодан убрать... Его кто-то тут оставил. Она мне... Его кто-то забыл тут. Она мне говорит: ляжки-ляжки... Может быть, это был ты? Ляжки... Она мне говорит... Я чемодан. Триста ляжек... Да я ее даже и не трогал-то даже ни разу... В сущности, я чемодан. Она мне говорит ляжки-ляжки... Триста ляжек – в чемодан убрать. Она мне говорит... Кожаный, кожаный, черный.** Уважаемые пассажиры (*голос торговца*)! **Че-мо-дан.** Вашему вниманию предлагается фашизм. **Огромный кожаный чемодан. Сволочь такая. Она мне**

говорит: триста ляжек убрать в чемодан. Кто-то его тут оставил. Кто-то забыл его здесь. Недорого предлагается фашизм. **А за что я должен-то убрать триста ляжек-то в чемодан-то?** В сущности, это я чемодан. Обыкновенный... **Она мне говорит... Триста ляжек убрать в чемодан... Ляжки-ляжки... Кожаный, черный.** Дело в том, что он мне совершенно не нужен, и я хотел бы вам его продать. А что у вас в чемодане? Ну-ка, покажите, быстро! Быстро покажите мне, что у вас в чемодане! **Ляжки, она мне говорит: триста ляжек.** Фа-а-шизм! Недорого! Кому? **Она мне говорит: ляжки-ляжки!** А, там ляжки! Ляжки, кожаные, черные, в чемодане у вас! **Кому недорого фашизм обыкновенный?!** А как они там появились?! **Сука!** Недорого фашизм кому? **Она мне говорит: ляжки...** А почему я должен платить? Самый обыкновенный фашизм! **А кто вообще сказал, что я должен платить? Недорого! Кому фашизм? Это безобразие! Это фашизм! Она мне говорит: ляжки, ляжки... Почему я должен платить? Фа-а-ши-изм, недорого! Гражданочка! Гражданочка! Вы себе там запишите в протокол! Нет, тут всё записано! Посмотри сам! Фа-а-шизм! Это фашизм, самый обыкновенный... Не желаете? Я платить не буду! Ты мне тут черта в чемодане не строй тут!** Кому недорого фашизм? Фашизм недорого кому? Кому недорого фашизм? Хи-хи-хи-ха-ха-а-а-а! Хи-хи-хи-ха-ха-а-а-а! *(смех сумасшедшей дворничихи, стреляющей из пневматической винтовки по застывшим под потолком воздушным шарам)*. Мы просто, мы просто ищейки! У меня было тридцать женщин... Мы просто ищейки! Ищейки! *Какая сумма при себе?* Ищыба. Мы просто, мы просто ищейки! *А если найду?* Ищейки! Ищейки! Ищейки! У меня было тридцать женщин... Ищыба. Ищыба. Мы просто... **Чего изволите-с? Какая сумма при себе?** Мы просто ищейки! Мы просто... Ищыба. Ищи! Ищи! Ищи! **Гей-видео не интересует? Триста ляжек убрать в чемодан...** Гражданочка! **Кожаный черный чемоданище! Фа-а-шизм недорого кому?! Кожаный черный чемодан. На пол! На пол, все! На пол, мышь! На пол, мышь!**

Все голоса сливаются в единый неразборчивый гул, сквозь который пробивается мелодия «Nobody home». Грохот шагов убегающего человека. Шум со скрипом захлопывающейся двери. Толпа

заражается бегом, но постепенно он переходит в танец. Бомжи сбрасывают лохмотья и становятся танцевальной группой, наряженной в яркие одежды. Дискотечные ритмы. Стробоскоп.

Игрушечные
клоуны вер-
тятся над
детской кро-
ваткой. Голый
человек на кам-
нях, свернув-
шийся в позу
эмбриона. Рука
сжимает яйцо,
и оно взрыва-
ется кровью.
Копещащиеся
скорпионы.
Вьетнамс-
кие солдаты
пытаются
маршировать
в ногу. Яич-
ный желток
выливается на
экран телеви-
зора.

**Эстрадное
пение:**

расколоты многоточия,
расколоты многоточия,
ты, я,
ты, я.
болью смолоты в клочья,
болью смолоты в клочья.

Католический хор: Повис нерв, повис нерв. Повис нерв, повис нерв. *Non serviam**. Повис нерв, повис нерв. Повис нерв, повис нерв.

Колокольный звон.

* Не буду служить (лат.).

Голос священника: Во имя Овцы, Тины и Слепаго Уха. Во имя Овцы, Тины и Слепаго Уха. Во имя Овцы, Тины и Слепаго Уха. Гони.

Легкомысленное пение: Огненной иглой
падаю в твердь,
тетивой гнилой
повис нерв.
Огненной иглой
падаю в твердь,
тетивой гнилой
повис нерв.

Соло на виброфоне. Жесткие гитарные рифы.

отблеском ножа выслепляя взор,
заплетают ливни стальной узор,
из разжатого ветхого кулака
вниз трухою сыплются облака.

Благопристойностью
Зашнурован мозг,
Немой безвольностью
Оцифрован в лоск.

*Танцующие хиппи. Боксеры на ринге.
Женщины-дискоболы. Балерины.*

Прелой падалью
Выгнивает взгляд
В ожидании
вызревших утрат.
Прелой падалью
Выгнивает взгляд
В ожидании
вызревших утрат.
вызревших утрат.
вызревших утрат.
вызревших утрат.

Тусклый синий свет.

**Он, собака, пьет год без месяца.
Утром мается, к ночи бесится.
Да не в первой ему, оклемается...
Перебесится... да перемается...
Перемается... да перебесится...
И Бог даст, Бог даст – не повесится.**

*Синий свет из сумрачно-смузлого становится ослепляюще ярким.
Стробоскоп. Продолжительные танцы.*

Холодный голос: Страница двадцать шесть, упражнения с пятого по восьмое.

Пульсирующий красный свет.

Шепелявый голос идиота: Здравствуйте!

*Пение в стиле dead metal. Скрежет гитар. Какофония переходит
в русские фольклорные напевы.*

**Встану не благословясь,
Не в чисто поле, а в темный лес,
Не воротами, а собачьими тропами.
Встану не благословясь,
Пойду не перекрестясь,
Не воротами – тараканьими тропами.
Встану не благословясь,
Не в чисто поле, а в темный лес,
Не воротами, а собачьими тропами.
Встану не благословясь,
Пойду не перекрестясь,
Не воротами – тараканьими тропами.**

Пляски язычников. Джазовая импровизация. Готический хорал.

Выкрики из мегафона: Марш! Марш! Выполняй приказ! Готовьсь! Цельсь! Пли! Сидеть! Лежать! Фас! Марш! Марш! Выполняй приказ! Готовьсь! Цельсь! Пли! Сидеть! Лежать! Фас!

Суфийская глоссолалия.

Короткая пауза.

Это просто температура,
Это только недомогание.
Дирижер потерял партитуру,
Но уже начал танец камланья.

Просто температура,
Это только недомогание.
Дирижер потерял партитуру,
Но уже начал танец камланья.

*Гитарные соло. Эстрадное пение, стилизованное под советские
мультипликационные фильмы.*

Блуждающий глаз,
Затерявшийся
В надменных лабиринтах ржавчины,
В чахоточных дворцах бледного безумства.
Выжимающий по капле
Радугу слез
Со своего промокшего холста.
Покидающий цвет...

*Помпезная кода в стиле хард-рока 70-х.
Отзвуки рояля растворяются в тишине.*

Слой третий:

Манекен

*Флейта. Щебетание птиц. Суфийские напевы.
Африканские барабаны.*

Заклинаю тебя тревогой.
Время комкают спазмы,
Скорлупу неживой ухмылки
Проклевывает проказа.

Африканские барабаны. Экзальтированные танцы.

Просторное помещение (нечто среднее между комнатой и тюремной камерой). Тусклое освещение. С балки под потолком свисают белые чулки и ржавые цепи, в которых запутана старая скрипка и смятые клочки бумаги. В центре – маленький стул, самодельный столик, на нем – горящий свечной огарок и старая печатная машинка. За столом – человек в белой рубашке, круглых старинных очках с отломанной правой дужкой, в помятой шляпе. Справа от него – небольшой металлический кофр, осыпанный бумажными обрывками. Слева – широкий подиум, на стенке которого прикреплен плохо освещенный портрет (изображение неразборчиво). За подиумом – наглухо закрытая дверца, подсвеченная красным светом. С потолка сыплются обрывки бумаги. Человек заправляет в печатную машинку чистый лист и с некоторой нервозностью принимается за набор текста. Порой клавиши заедают и ему приходится руками распутывать зацепившиеся друг за друга железные молоточки. Справа на заднем плане, перед широкой кирпичной стеной – старый бочонок, на котором стоит ржавая железная рама, у ее основания вульгарная статуэтка, изображающая ангела. Декорации плохо различимы, так как постоянно мигает стробоскоп.

*Треск костра.
Звон колоколов.
Вой ветра. Свист
сирен. Звуки арфы.
Крики.*

Они становятся разборчивы только в тот момент, когда частые вспышки сменяются тусклым синим светом, постепенно накаляющимся.

Справа от подиума загорается белое полотно, сквозь которое проступает театр теней (силуэт с рамкой в руках).

На подиуме появляется балерина в белом одеянии. Она грациозно двигается, изгибаясь в танце. Человек поправляет спадающие очки и оглядывается по сторонам.

Из кофра вылезает существо небольшого роста (не то карлик, не то ребенок), одетое в черную робу. Карлик медленно прохаживается вокруг столика, взяв в руки свечу. Человек привстает над столом и, неприятно улыбаясь, нервно пританцовывает в паузах между набором текста. Скрипка и чулки покачиваются на ветру. С пола поднимаются облака пыли, напоминающие клубы дыма.

Во всю правую часть стены зажигается экран, на который проецируется изображение: двое в строгих черных костюмах с белыми галстуками при помощи специальных железных тросов с механической очередностью раскрывают и снова закрывают ржавый люк огромной вентиляционной трубы, с крышки люка на них сыплются яркие в свете люминесцентных ламп обрывки бумаги.

Хруст шагов по гравию. Толпа в черных робах с факелами в руках. Жрецы гремят цепями.

Звуки фортепьяно. Двое жрецов накидывают ржавую цепь на шею осужденного на казнь. В его руках – свеча из зеленого воска.

Низкочастотные акценты. Неразборчивое пение в мегафон (язык напоминает английский).

Звуки электрогитары.

Хор:

*Absit omen!**
Absit omen!
Absit omen!
Absit omen!
Absit omen!
Absit omen!
Absit omen!
Absit omen!

Тем временем синий свет становится всё более ярким. Человек сжимает голову руками. С потолка медленно опускается болтающийся в петле манекен.

Дверца на заднем плане немного раскрывается и оттуда бьет ослепительно яркий свет. Человек закрывает глаза. В просвете балерина танцует в облаках пыли. С потолка сыплются обрывки бумаги. Манекен раскачивается из стороны в сторону. Чулки и скрипка развеваются на ветру. Карлик поджигает вставленный в печатаную машинку лист бумаги.

Лишь через минуту свет гаснет, вместе с ним потухает видеопроекция, карлик ставит свечу обратно на столик и залезает в свой кофр. Меркнет театр теней. Огонек свечи превращается в факельное пламя. Бумажный лист пылает. Человек не перестает печатать. Из машинки во все стороны разлетаются искры. Яркий свет сменяется стробоскопом. С потолка сыплются обрывки бумаги. Человек вытаскивает из печатной машинки несгоревшие остатки листа и бросает клочки в сыплющийся поток. В искрах вспыхивает манекен продолжает болтаться в петле.

Пламя свечи потухает. Печатная машинка и огарок в подсвечнике еще около минуты продолжают дымиться.

Звуки струнного оркестра. Железная петля сужается на шее осужденного.

Солистка:
Viva la Guerra!
Viva la Iglesia!
Viva la Sangre del sacrificio!*
Viva la Guerra!
Viva la Iglesia!
Viva la Sangre del sacrificio!

А капли всё так же колотят в стекло.

А капли всё так же колотят в стекло.

Один из жрецов гасит свечу в руках осужденного. Хруст шагов затихает.

Старая икона.
Ее суровый лик,
покрытый морщинами трещин,
своей бесцветной бесстрастностью
так напоминает серую маску Флоры,
но без усталых истерзанных черт, вызывающих жалость.
Без следов красоты.

Горловое пение.

Черно-белые кадры: голый старик, свернувшийся в позе эмбриона; толпы людей разбегаются в разные стороны; безногий нищий, отталкиваясь руками от асфальта, начинает движение на небольшой тележке; громогласный хор; дирижер медленно размахивает палочкой; арабские семьи, спасаясь от взрывов, выбегают из длинной арки, теряя наскоро собранные вещи; наголо бритый человек колотит палкой по огромной металлической раме.

Тусклый свет огромной лампы. Под ней две фигуры в черных робах и масках из теста.

- Ты не спишь?
 - Кажется.
 - Что кажется?
 - Кажется, не сплю.
 - А как ты себя чувствуешь?
 - Не знаю. Где мы?
 - Не знаю. Не помню. Какая разница?
 - По-моему, я чувствую себя лучше. Там что, окно открыто? Ветер такой прохладный. Из того, из дальнего окна дует.
 - Нет, здесь же нет окон.
 - Ах, ну да... Сколько времени?
 - Не помню. Долго.
 - Что значит долго? Я имею в виду, который час?
 - А, это. Я не знаю, часов же нет, зачем ты всё время спрашиваешь? Какая разница? Зачем спрашиваешь?
 - Мне лучше, мне определенно лучше. Чувствую какой-то прилив сил.
 - Это очень хорошо. Правда. Это правда, очень хорошо.
 - Закурить нету?
 - Здесь нельзя курить. Ты же знаешь.
 - Да я просто так, по привычке, извини, по привычке...
- А ты как?
- Честно говоря, еще никудашнее, чем раньше.
 - А что такое?
 - Я задыхаюсь. Мне кажется, что не сегодня-завтра воздух закончится. Совсем закончится.
 - Перестань, здесь еще полно кислорода. К тому же можно задерживать дыхание. Этому несложно научиться.
 - Искусственные цветы.

- Я умею. Показать?
 - Что показать? Ты хочешь изобразить цветок?
 - Да нет, как задерживать дыхание.
 - Нет, нет, не надо, я знаю...
 - Темнота корчит мне гримасы.
 - Мне тоже...
 - Знаешь, мне кажется, что кто-то завелся в моем мозгу.
- Ну, какое-то существо, понимаешь? Вроде гусеницы или сороконожки.
- Оно кусается?
 - Вовсе нет, оно просто ползает там, внутри, но это ужасно неприятно.
 - А что твой сон?
 - Какой?
 - Он больше не возвращался?
 - А, этот... уже несколько дней не приходил. Я даже начал забывать про него. Но это он нарочно, хочет, чтоб я потерял бдительность. Ничего, ничего! Этот номер ему не пройдет! Ему это не удастся! Черта с два! Меня не проведешь! Я теперь – не то, что раньше! Его повадки теперь хорошо мне известны! Он попропадает-попропадает, запропаستится куда-нибудь, но потом обязательно появляется. Обязательно приходит. Обязательно... Точно так же, как эта сороконожка – ненадолго затихает, и опять начинает копошиться.
 - Мне страшно. Я смотрю на искусственные цветы и мне страшно. Вчера один бутон отвалился, как у живого, как у живого, понимаешь?
 - Выброси их. Я давно тебе говорю.
 - Их некуда выбросить, ты же знаешь.
 - А слышишь капли?
 - Нет, какие капли?
 - Почему ты никогда их не слышишь? Почему никто, кроме меня, не слышит эти проклятые капли?
 - Это не капли, это ртуть.
 - Что?
 - Ртуть.
 - Что ты говоришь, какая ртуть?
 - Ртуть из разбитого термометра. Мы вдыхаем ее. Говорят, это вредно.
 - Нет, я не верю в ртуть. Никаких термометров мы не разбивали.
 - А может, это не мы разбили термометр.

- А кто же еще? Кроме нас, тут никого не было.
- Так уверенно говоришь, может, скажешь тогда, где мы?
- Это против правил! Это против правил. Зачем ты так? У меня от этого начинает болеть голова. Я слабею. Там гусеница, потрогай, там гусеница. Она шевелится. Ее видно даже – кожа топорщится. Как от нее избавиться? Может, выплюнуть?
- Ты не сможешь.
- Да, не смогу. Я чувствую слабость. Опять чувствую слабость.
- Так вот, гримасы... Знаешь, когда смотришь в темноту, иногда на секунду может показаться, что перед тобой стоит целая толпа. Все они наклонились и заглядывают тебе в лицо, но ты не видишь их, только чувствуешь их пристальные взгляды. А еще они сдерживают смех. Их лица мерцают от пота.
- А мне мерещатся угли. И еще вода с лунными бликами.
- С лунными бликами. А что такое лунные блики?
- Не знаю. То, что видится мне в темноте. У каждого свои галлюцинации.
- А я не могу поднять голову от подушки, гусеница сразу оживает.
- Поспи еще.
- Наверное, правда, стоит еще поспать. Разбуди, когда приедем.
- А если мы никогда не приедем?
- Значит, я проснусь без твоей помощи, как обычно.
- Хорошо.
- Значит, условились?
- Условились.
- Без обмана?
- Без обмана.
- А зачем мы поменялись ролями?
- Не знаю, должно быть, так интереснее. Не так скучно.
- Ты думаешь, так просто понять мой характер?
- Нет, но я попытаюсь. А ты сможешь сыграть меня?
- Я не играю, я и есть ты.
- Да, я просто забыл. На мгновение забыл, что тебя не существует.
- Но ты же ощущаешь мое присутствие?
- Да, конечно.
- Как же так – меня не существует, но ты ощущаешь мое присутствие?

– Очень просто: ведь я существую, но не ощущаю своего присутствия.

– А я не существую и не ощущаю своего присутствия. Забавно, да?

– А мое присутствие ты ощущаешь?

– Мне кажется, я ощущаю что-то похожее на твое присутствие, но это не ты.

– Знаешь, а ведь мне тоже так кажется.

– Это не ты, это какая-то иллюзия.

– А ты помнишь, как меня зовут?

– Конечно, нет, неужели ты помнишь?

– Нет, имена никогда не были мне известны. Они похожи на твои искусственные цветы с отваливающимися бутонами. Так же бессмысленны.

– А зачем ты спрашиваешь?

– Не знаю, захотелось разыграть тебя – вдруг придумаешь мне имя, и сделаешь вид, что меня именно так всегда и звали. Хотелось посмотреть, сумеешь ли ты выкрутиться.

– Это смешно. Мне это смешно.

– Мне тоже.

– Видишь, я же говорю, сегодня необычный день. Не зря было это ощущение прилива сил. Не зря.

– Ты думаешь?

– Абсолютно точно, поверь мне. Поверь мне.

– Я тебе не верю.

– Почему?

– Потому что я кое-что понял.

– Что ты понял?

– Знаешь, что означает это ощущение иллюзии твоего присутствия?

– Что?

– Что я знаю, кто ты.

– Конечно, знаешь, я – это ты.

– Нет, ты – это вовсе не я. Я знаю, кто ты на самом деле. Ты – гусеница в моей голове.

Затемнение.

Кадры из фильмов Тарковского и Аристархьяна.

Ряженный в сети таинственно спокоен, лишь тающей дымкой сомнения подернуты очи. Смел с алтаря кости и присел тускло, склонив плечи навстречу смерчу.

Кадры из мультфильмов братьев Куэй: человеку отрезают голову и на ее место водружают череп куклы.

Ночь облачив в саван, олицетворяя покорность умирающей луне...

Молитва: Ночь облачив в саван, олицетворяя покорность умирающей луне, с беспристрастностью гильотины ожидает точильщика. Ночь облачив в саван, олицетворяя покорность умирающей луне, с беспристрастностью гильотины ожидает точильщика. Ночь облачив в саван, олицетворяя покорность умирающей луне, с беспристрастностью гильотины ожидает точильщика. Ночь облачив в саван, олицетворяя покорность умирающей луне, с беспристрастностью гильотины ожидает точильщика. Ночь облачив в саван, олицетворяя покорность умирающей луне, с беспристрастностью гильотины ожидает точильщика. Ночь облачив в саван, олицетворяя покорность умирающей луне, с беспристрастностью гильотины ожидает точильщика. Ночь облачив в саван, олицетворяя покорность умирающей луне, с беспристрастностью гильотины ожидает точильщика. Ночь облачив в саван, олицетворяя покорность умирающей луне, с беспристрастностью гильотины ожидает точильщика. Ночь облачив в саван, олицетворяя покорность умирающей луне, с беспристрастностью гильотины ожидает точильщика. Ночь облачив в саван, олицетворяя покорность умирающей луне, с беспристрастностью гильотины ожидает точильщика. Ночь облачив в саван, олицетворяя покорность умирающей луне, с беспристрастностью гильотины ожидает точильщика...

Декламирующий карлик: Элемент изъят! Элемент изъят! Элемент изъят!

*Грохот падающего с лестницы пианино. Плавающий манекен.
Затемнение.*

ЭПИЛОГ

Стук печатной машинки.

Отроком скверны в ночь карнавала
Падает желудь в рыхлую землю,
Прокаженный актер плетется к подмосткам,
На зубах скрипит пожухлый сценарий.

Занавес кожи, морщины и складки,
Лишь робкий крик под гримом
Вспыхнет слезою
И снова меркнет.

Кишки составов, суставы вагонов,
Погоны, рельсы, ребра решеток.
Ядовитым нектаром оболочки улыбок,
В городских футлярах обретаем форму.

Ночные бабочки лезут в ноздри
Издыхающего старца-рассвета.
Глянцевый пластик, жуки копошатся.
Осколки Креста клещами
под кожу.

Разламывание накрашенного губной помадой манекена. Вспышки стробоскопа. Фигуры в черных робах. Розовый шум. Сквозь треск еле слышно пробиваются джазовые мелодии. Моргающий желтый глаз. Свист мегафона. Дымящаяся печатная машинка. Крик измазанной грязью головы. Горящая киноплёнка. Рябь телевизионного снега. Занавес.

2003–2007